

УДК 16.31.61

**ПРИМЕНЕНИЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ
К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ**

*канд. филол. наук Т.П. СЛЕСАРЕВА
(Полоцкий государственный университет)*

Последние десятилетия отмечены усилением внимания как ученых, так и всех тех, кто интересуется развитием научного познания, к вопросам взаимодействия, взаимопроникновения различных наук. Одним из продуктивных способов извлечения сведений о языке из текста является дистрибутивный анализ, иначе говоря, распределение языковых единиц в тексте. Статистика показывает более широкое использование одних языковых средств и менее широкое – других, более частое соединение одних и более редкое других языковых единиц в текстах. Сами по себе эти количественные данные ценности не представляют, но их содержательный анализ, их интерпретация позволяют извлечь из лингвистической статистики интересные выводы, например, могут служить эмпирической опорой для интерпретации соответствующих характеристик персонажей художественного произведения.

Введение. О перспективности исследований на стыках различных исследовательских областей, в особенности относящихся к естественным и общественным наукам, говорили многие ученые-лингвисты. Полезность интердисциплинарных исследований неоднократно проявляла себя в применении к самым различным комплексным проблемам. Согласно научным прогнозам, именно в результате таких исследований следует ожидать новых важных достижений.

Применение точных методов в изучении явлений художественной культуры имеет давнюю историю. Внутри сферы художественной культуры такая ее область, как литература, ранее других стала объектом попыток «поверить алгеброй гармонию». Эти попытки имели исходным пунктом в основном лингвистику, где математические методы использовались уже довольно давно и завоевали прочные позиции. С этого «плацдарма» точные методы и повели наступление: сначала на близкие к ним феномены – на явления языка и стиля, а затем на другие аспекты литературы.

Математическому «натиску» стали подвергаться сюжет, композиция, средства художественной выразительности. В процессе этого «натиска» математика показала свою применимость и полезность еще в одной новой (и для многих неожиданной) области, а литература обогатила знания о себе и арсенал своих исследовательских методов, а также открыла для себя новый способ видения художественной действительности.

Сущность количественных методов заключается в использовании подсчетов и измерений при изучении языковых явлений.

Применение количественных методов к изучению языка началось с использования статистики в лингвистических исследованиях. Русский математик А.А. Марков в 1913 году издал работу «Опыт статистического исследования текста “Евгения Онегина”, иллюстрирующий связь испытаний в цепи», в которой установил частотность повторения гласных и согласных звуков в тексте романа А.С. Пушкина, опираясь на теорию вероятностей.

На основе изучения количества употреблений всех лексических единиц, встречающихся в определенной совокупности текстов, создаются частотные словари разных языков.

Статистические выкладки используются при установлении авторства произведения на основе подсчета особенностей его языка, при определении приблизительной датировки произведений и хронологии произведений одного и того же автора.

Однако количественное изучение языка тесно связано с его качественным анализом и не должно проводиться в отрыве от него, поскольку сами по себе количественные данные не всегда имеют научную значимость [1].

Основная часть. Одним из приемов, с помощью которых авторы художественных произведений описывают сущность человека, является выделение в нем тех или иных признаков, создаваемых деятельностью человека. В текстах названия таких признаков часто представлены глаголами, обозначающими действия, которые предмет или лицо может производить, а может и не производить. Изображая человека в тексте, писатели выделяют и более подробно описывают одни его свойства и меньше внимания уделяют другим. Это отражается в употребительности сочетаний глаголов с существительными, обозначающими имена персонажей.

В тексте вес каждого семантического признака, свойственного именам лиц, измеряется частотностью употребления глаголов, выражающих эти семантические признаки. Чем чаще используются с именами лиц глаголы, обозначающие данные действия, тем весомее и важнее для описания семантики слова они считаются.

Глаголы целесообразно учитывать не по отдельности, так как практически это сделать невозможно из-за их большого количества, а в пределах традиционных тем, в которые они группируются / типа глаголы речи, глаголы чувств и т.п.

На основании полученных данных можно дать семантическое описание имен персонажей художественного произведения, а через них и характеристику соответствующих персонажей. Кроме того, имеющиеся количественные данные о лексической сочетаемости имен персонажей можно использовать для вычисления коррелятивной связи тех индивидуальных значений этих имен, которые проявляются в предикативных конструкциях через сочетаемость с глаголами.

Проиллюстрируем это на следующем примере.

Из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» путем сплошной выборки нами извлечено 14185 предикативных конструкций с именами главных героев: 1343 словоупотребления встретилось в сочетании с именем *Федор Павлович*, 1232 – с именем *Смердяков*, 2574 – с именем *Иван*, 3484 – с именем *Алеша* и 5552 – с именем *Дмитрий*.

На собранном материале вслед за Л.М. Васильевым, который предлагает работу по изучению семантической системы какого-либо языка начинать с всестороннего описания отдельных семантических классов, мы выделили 10 лексико-семантических групп глаголов, которые наиболее ярко характеризуют персонажей данных произведений:

- глаголы состояния;
- глаголы мысли;
- глаголы речи;
- глаголы чувств;
- глаголы движения;
- глаголы разрушения;
- глаголы созидания;
- глаголы изменения состояния;
- глаголы контактирования;
- глаголы, обозначающие биологические процессы [2].

Данный языковой материал распределяется неравномерно в сочетании с собственными именами лиц, а в зависимости от их семантических особенностей, что может служить эмпирической опорой для интерпретации соответствующих характеристик персонажей.

Так, например, для Алеши Карамазова характерна кротость, любовь к людям, вера в них и в Бога. Об этом свидетельствует частое сочетание с его именем глаголов *любить* (5,4 %), *верить* (7,7 %), *простить* (3 %), *понимать* (8 %).

Необузданность, самолюбие, но одновременно с этим доброту и великодушие отмечает автор у Дмитрия Карамазова. Для подобной характеристики Ф.М. Достоевский часто использовал в сочетании с именем этого героя глаголы *убить* (42 %), *мучить* (1,5 %), *кутить* (1 %), *любить* (5,5 %).

Лакейство и трусость Смердякова доказывают следующие глаголы поведения и глаголы речи: *бояться* (2,5 %), *не мочь* (3,5 %), *не сметь* (1,5 %), *пролететь* (1,2 %), *мямить* (0,4 %).

Для Ивана Карамазова характерны постоянные колебания, отсутствие четкого выбора жизненной позиции. Об этом говорят такие глаголы чувств, как *не верить* (1,5 %), *разувериться* (0,4 %), *решиться* (0,7 %), *не хотеть* (3,4 %).

Опираясь на лингвистические данные, извлеченные из романов, можно не только описать главных героев, но и установить связи между ними. Для этого лексико-семантические группы глаголов необходимо распределить по рангам (местам в списках сравниваемых групп), а затем подсчитать коэффициент ранговой корреляции между глаголами попарно сопоставляемых двух героев по формуле:

$$p = 1 - (6Edd - nnn - n),$$

где p – коэффициент ранговой корреляции (мера связи двух сравниваемых имен героев); d – разность между рангами; n – количество сопоставляемых пар [3, 4].

После подсчетов коэффициентов корреляции в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» получены результаты, представленные в таблице.

**Результаты подсчетов коэффициентов корреляции
в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»**

Сравниваемые персонажи	Коэффициент ранговой корреляции				
	1	2	3	4	5
1. Федор Павлович		0,68	0,71	0,6	0,73
2. Смердяков			0,92	0,82	0,68
3. Иван				0,94	0,87
4. Алексей					0,73
5. Дмитрий					

Как показывают данные, самая тесная связь наблюдается между *Иваном и Алексеем, Смердяковым и Иваном*. И это не случайно. Ведь Алеша и Смердяков являются своеобразными двойниками Ивана: Алеша воплощает его «доброе» начало, Смердяков – его «злое» начало.

Ивану дороги и близки мечты Алеши о человеческом счастье, об уничтожении человеческих страданий, о единении людей на основе любви друг к другу. Так, глаголы чувства занимают у обоих героев первое место (635 глаголоупотреблений в сочетании с именем *Иван* и 647 – в сочетании с именем *Алексей*). Алеша чувствует, что жизнь не только внутри человека. Человек живет в объективном мире, он частица объективного бытия, и прежде всего человек среди других людей.

Субъективизм и эгоизм делают Ивана одиноким, а одиночество вселяет в него недоверие ко всякому другому человеку.

Но несмотря на это глаголы контактирования занимают одинаковую, седьмую, позицию как в сочетании с именем *Алексей* (224 глаголоупотребления или 6,4 %), так и в сочетании с именем *Иван* (171 глаголоупотребление, или 6,6 %).

На восьмом месте у данных героев находятся глаголы состояния (на их долю приходится 6,5 % в сочетании с именем *Иван* и 6,1 % – с именем *Алексей*).

Но если Алеша за смирение, за веру в бога, за идею бессмертия, то его брат Иван против смирения – он бунтарь, против веры – он атеист, против бессмертия – он материалист, знающий только земную жизнь. Эти убеждения приводят Ивана к цинизму, к мысли о том, что на этом свете «все позволено». Алеша не был расколот внутренними противоречиями, как Иван.

Так, глаголы мысли в сочетании с именем *Иван* занимают четвертое место (296 глаголоупотреблений), а в сочетании с именем *Алексей* – второе (605 глаголоупотреблений), то есть разница в две позиции.

Иван по изначальной природе своей добр. Но со временем он перестал видеть разницу между добром и злом. Однако несмотря на то, что в сочетании с именем *Иван* на долю глаголов разрушительного воздействия на объект приходится 2,7 %, а в сочетании с именем *Алексей* – 0,9 % (то есть в 3 раза меньше), разница между занимаемыми рангами всего одна позиция: у *Ивана* глаголы разрушения стоят на девятом месте, а у *Алексея* – на десятом.

Между рангами, занимаемыми остальными лексико-семантическими группами (ЛСГ), разница тоже в одну позицию.

Проповедь Ивана нашла отклик в душе Смердякова, а сам Смердяков оказался исполнителем ивановских замыслов. Поэтому не случайно глаголы мысли у *Ивана* и *Смердякова* занимают четвертое место (на их долю в сочетании с именами данных героев приходится 11,4 % и 11,9 % соответственно). Совпадают по занимаемым рангам глаголы, обозначающие биологические процессы.

Несмотря на то, что в сочетании с именем *Иван* таких глаголов встретилось 176, а с именем *Смердяков* – 104, глаголы данной ЛСГ у обоих героев стоят на шестом месте. Глаголы созидания занимают последнюю позицию, хотя у *Ивана* на их долю приходится 1,9 %, а у *Смердякова* – 2,3 %.

Смердяков равнодушен к людям и ни в чьем обществе не нуждается. С его именем сочетается только 50 глаголов контактирования. У Ивана тоже нет точки опоры и критерия для оценки людей, для связи с людьми. Однако глаголов контактирования у него в 3,4 раза больше (171 глаголоупотребление). Но разница между занимаемыми рангами только в две позиции: седьмое место у *Ивана* и девятое у *Смердякова*.

В две позиции разница между рангами, занимаемыми глаголами движения – пятое у *Смердякова* (132 глаголоупотребления) и третье у *Ивана* (355 глаголоупотреблений), и глаголами изменения состояния – у

Смердякова на третьем месте (13,7 %), а у *Ивана* на пятом (9,1 %). И это неудивительно: *Смердяков* серьезно болен (он страдает падучей болезнью).

Разница между рангами, занимаемыми остальными ЛСГ, составляет всего одну позицию.

Тесная связь ($p = 0,87$) отмечена между *Иваном* и *Дмитрием Карамазовыми*. Братья почти ровесники: в романе Ивану 23 года, а Дмитрию – 27 лет.

Дмитрий – это человек щедрый, разгульный. Его неистовая, недисциплинированная сила жизни не знает цели, кроме порывов личных страстей.

Сложнее, чем у Дмитрия, проявляется карамазовская жажда жизни у *Ивана*.

На одинаковых позициях в сочетании с именами *Иван* и *Дмитрий* находятся следующие ЛСГ: первое место занимают глаголы чувств (на их долю приходится соответственно 24,6 и 18,5 %); второе место – глаголы речи (16,2 и 15,8 %); третье место – глаголы движения (13,7 и 14 %); восьмое место принадлежит глаголам состояния (6,5 и 6,3 %); десятое – глаголам созидания (1,9 и 2,1 %).

С разницей в одну позицию – пятое место у *Ивана* (9,1 %) и четвертое у *Дмитрия* (11,2 %) – разместились глаголы изменения состояния.

Но несмотря на близость, есть между братьями и существенные различия.

Брошенный отцом, Дмитрий четыре раза «менял гнездо» и вышел в самостоятельную жизнь недочкой. Он вступил в военную службу, стал офицером, но был разжалован в солдаты за дуэли и скандалы.

У *Ивана* были блестящие способности, он успешно закончил образование в университете и уже успел обратить на себя внимание как начинающий ученый. Иван где-то в подсознании понимает, что одна лишь жажда жизни, без ответа на вопрос, для чего и для кого жить, может привести его на неверный путь. Поэтому глаголы мысли в сочетании с именем *Иван* занимают четвертое место (11,4 %), а с именем *Дмитрий* – шестое место (8,6 %), то есть разница в две позиции.

Такая же разница и между рангами, занимаемыми глаголами контактирования и глаголами разрушения. Дмитрий был легкомыслен и кутила, имел множество любовных связей и легко вступал в контакт с людьми. С его именем в романе сочетается 567 глаголов контактирования, что составляет 10,2 %. Глаголы данной ЛСГ занимают у Дмитрия пятое место.

Невозможность для *Ивана*, с его умом, решить, где правая, а где левая сторона, отчуждает его от людей. Иван не может понять, как можно любить своих ближних. Поэтому с его именем глаголов контактирования в романе встретилось в 3,3 раза меньше (171 глаголуопотребление, или 6,6 %), а располагаются они на седьмом месте.

Дмитрий верил в бога и признавал нравственные правила, начиная с десяти заповедей. Но религия и нравственность у него были сами по себе, а поведение – само по себе. Наибольшее количество глаголов разрушения (364 глаголуопотребления, или 6,5 %) встретилось в романе именно с его именем, хотя в совершенном преступлении Дмитрий не замешен. Глаголы разрушительного воздействия на объект стоят у *Дмитрия* на седьмом месте.

Выдвинутый *Иваном* абстрактный лозунг «все позволено» приводит его к моральному соучастию в отцеубийстве. С именем *Иван* сочетается в тексте только 70 глаголов разрушения, что в 5,2 раза меньше, чем с именем *Дмитрий*, а занимают глаголы данной ЛСГ девятое место.

Самая большая разница (в три позиции) наблюдается между рангами, занимаемыми глаголами, обозначающие биологические процессы (шестое место у *Ивана* и девятое – у *Дмитрия*), хотя на долю данных глаголов у *Ивана* приходится 6,8 %, а у *Дмитрия* – 6,1 %.

Смердяков, незаконнорожденный сын Федора Павловича, тянет семейную традицию имен (Федор Павлович и Павел Федорович), продолжает лакейскую линию отца (ведь Федор Павлович в молодости своей был приживальщиком, то есть тем же лакеем). Между ними зафиксирована довольно сильная связь ($p = 0,68$).

Одинаковую позицию (седьмое место) занимают у них глаголы состояния (на их долю в сочетании с именем *Федор Павлович* приходится 8,2 %, а в сочетании с именем *Смердяков* – 7,8 %).

В одинаковой мере Федору Павловичу свойственны лицемерие и откровенная подлость, и жадность, и жестокость. В этом отношении к нему близок *Смердяков*. Поэтому не случайным является тот факт, что всего только одной позицией в занимаемом ранге различаются ЛСГ глаголов чувств (в сочетании с именем *Федор Павлович* они занимают первое место, а с именем *Смердяков* – второе, хотя на их долю у *Федора Павловича* приходится 21 %, а у *Смердякова* только 15,9 %); глаголов изменения состояния (у *Федора Павловича* глаголы данной ЛСГ стоят на втором месте (14 %), а у *Смердякова* – на третьем (13,7 %); глаголов движения (в сочетании с именем пожилого старика *Карамазова* эти глаголы занимают шестое место (123 глаголуопотребления), а в сочетании с именем больного *Смердякова* – пятое (132 глаголуопотребления); глаголов созидания (на их долю приходится у обоих героев 2,3 %) и глаго-

лов, обозначающих биологические процессы (9,3 и 8,4 % соответственно). Между местами, занимаемыми глаголами речи и глаголами разрушения, разница в две позиции.

Что касается глаголов разрушительного воздействия на объект, то в сочетании с именем *Смердяков* они находятся на восьмой позиции (67 глаголоупотреблений, или 5,4 %), а в сочетании с именем *Федор Павлович* – на десятой (30 глаголоупотреблений, или 2,2 %). И неудивительно, ведь *Смердяков* – убийца, а *Федор Павлович* – жертва.

Федор Павлович – деспод и самодур, преисполненный внутреннего презрения к окружающим.

Смердяков символизирует приспособленчество, готовность к рабскому услужению в его натуре неотделима от ненависти ко всем и ко всему [5].

Несмотря на это сходство, глаголы контактирования в сочетании с именем *Федор Павлович* занимают четвертое место (152 глаголоупотребления, или 11,3 %), а в сочетании с именем *Смердяков* – девятое (только 50 глаголоупотреблений, или 4 %), то есть разница в пять позиций.

Но *Смердяков* оказался «умнее» своего отца. Об этом свидетельствует тот факт, что глаголы мысли у *Смердякова* стоят на четвертом месте (на их долю приходится 11,9 %), а у *Федора Павловича* – на восьмом (7,9 %), то есть разница в четыре позиции.

Такая же связь ($p = 0,68$) отмечена и между *Смердяковым* и *Дмитрием Карамзовым*.

Дмитрия отличает неожиданность поступков и решений. Он способен и на добро, и на зло. Он мог проташить за бороденку штабс-капитана *Снегирева*, позоря его перед людьми, но мог отдать и все свои деньги, чтобы покрыть растрату командира полка и тем спасти его от бесчестия и гибели.

Смердяков, в отличие от *Дмитрия*, не понимает и не признает идейного и нравственного начала в человеке. С хитрым расчетом, на который бывают нередко способны уголовные преступники, он уследил час, когда *Дмитрий* ворвался к отцу, и в ночной суматохе убил *Федора Павловича*, забрав приготовленные для *Грушеньки* деньги.

Поэтому неудивительно, что глаголы контактирования в сочетании с именем *Смердяков* занимают девятое место (50 глаголоупотреблений), а в сочетании с именем *Дмитрий* – пятое (567 глаголоупотреблений, что в 11,3 раза больше, чем у *Смердякова*), то есть разница в четыре позиции; глаголы мысли у *Смердякова* стоят на четвертом месте (на их долю приходится 11,9 %), а у *Дмитрия* – на шестом (8,6 %), то есть разница в две позиции; глаголы чувств в сочетании с именем *Смердяков* занимают второе место (197 глаголоупотреблений), а в сочетании с именем *Дмитрий* – первое (1031 глаголоупотребление, что в 5,2 раза больше, чем у *Смердякова*).

Между рангами, занимаемыми глаголами разрушения, разница всего в одну позицию: у *Смердякова* они стоят на восьмом месте, а у *Дмитрия* на седьмом. Однако в цифровом выражении разрыв ощутимее – в сочетании с именем *Смердяков* глаголов разрушительного воздействия на объект зафиксировано 67, а в сочетании с именем *Дмитрий* – 364 глагола, что в 5,4 раза больше.

Федор Павлович был женат два раза, однако правильной семьи не создал. Дети были брошены им на произвол судьбы, воспитывались по чужим людям, в случайной и непрочной обстановке. Поэтому ни с одним из сыновей у *Федора Павловича* тесной связи не зафиксировано: между *Федором Павловичем* и *Алексеем* $p = 0,6$, а между *Федором Павловичем* и *Иваном* $p = 0,71$, между *Федором Павловичем* и *Дмитрием* $p = 0,73$.

Несмотря на то, что у *Федора Павловича* и *Алексея* на одинаковых позициях находятся глаголы чувств (первое место), глаголы речи (третье место), глаголы, обозначающие биологические процессы (пятое место), глаголы созидания (девятое место) и глаголы разрушения (десятое место), для *Федора Павловича* не существует ничего на свете, что бы он не решился подвергнуть хуле и осквернению, а *Алексея* характеризует религиозное смирение и самоотверженная доброта, на редкость альтруистические мотивы поведения.

Отмечена большая разница между рангами, занимаемыми глаголами мысли, сочетающимися с именами этих героев. Так, у *Федора Павловича* глаголы этой ЛСГ находятся на восьмом месте (107 глаголоупотреблений или 7,9 %), а у *Алексея* – на втором (605 глаголоупотреблений или 17,3 %), то есть разница в шесть позиций.

Четырьмя позициями различаются глаголы изменения состояния: в сочетании с именем *Федор Павлович* они занимают второе место (на их долю приходится 14 %), а в сочетании с именем *Алексей* – шестое место (9,2 %).

В три позиции разница между местами, занимаемыми глаголами контактирования (11,3 % данных глаголов у *Федора Павловича* и 6,4 % у *Алексея*).

Дмитрий является соперником отца в борьбе за *Грушеньку*, часто спорит с ним за наследство, однако глаголы чувств в сочетании с их именами занимают первое место, хотя в сочетании с именем

Дмитрий таких глаголов зафиксировано 1031, а в сочетании с именем *Федор Павлович* – в 3,6 раза меньше (283 глаголуопотребления).

Разница в три позиции наблюдается между рангами, занимаемыми глаголами движения. И это не случайно: у самого пожилого персонажа романа таких глаголов 123, а у полного сил и энергии *Дмитрия* – 786, то есть в 6,3 раза больше.

Такая же разница отмечена и между рангами, занимаемыми глаголами разрушительного воздействия на объект. Но в сочетании с именем *Дмитрий* глаголов данной ЛСГ зафиксировано в 12 раз больше, чем в сочетании с именем *Федор Павлович* (364 и 30 глаголуопотреблений соответственно).

Заключение. Учет лексической сочетаемости имени в текстах дает возможность не только описывать его семантические свойства, но и характеризовать конкретными языковыми данными качества носителей этих имен, или героев художественных произведений. Кроме того, учет лексической сочетаемости имен персонажей позволяет провести количественные измерения, указывающие на степень связи между теми сопоставляемыми значениями имен, которые проявляются через глагольные сочетания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гируцкий, А.А. Общее языкознание: учеб. пособие для студентов вузов / А.А. Гируцкий. – 3-е изд., стереотип. – Минск: Тетра-Системс, 2003. – 304 с.
2. Васильев, Л.М. Семантика русского глагола: Глаголы речи, звучания и поведения: учеб. пособие / Л.М. Васильев. – Уфа, 1981. – 71 с.
3. Плотников, Б.А. Дистрибутивно-статистический анализ лексических значений / Б.А. Плотников. – Минск: Выш. шк., 1979. – 134 с.
4. Шайкевич, А.Я. Дистрибутивно-статистический анализ в семантике / А.Я. Шайкевич // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – С. 353 – 378.
5. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – М.: Сов. Россия, 1979. – 318 с.
6. Белик, А.П. Художественные образы Ф.М. Достоевского. Эстетические очерки / А.П. Белик. – М.: Наука, 1974. – 224 с.
7. Гус, М.С. Идеи и образы Ф.М. Достоевского / М.С. Гус. – М.: Худож. лит-ра, 1971. – 592 с.
8. Достоевский, Ф.М. Братья Карамазовы / Ф.М. Достоевский. – Минск: Белорус. энцикл., 1980. – 880 с.
9. Полоцкая, З.А. Человек в художественном мире Достоевского и Чехова / З.А. Полоцкая // Достоевский и русские писатели. – М.: Сов. писатель, 1971. – 158 с.

Поступила 27.04.2010

APPLICATION OF QUANTITATIVE METHODS IN STUDYING LANGUAGE OF LITERARY WORK

T. SLESAREVA

The recent decades are marked by intensification of attention among scientists and all those interested in the development of scientific knowledge to issues of interaction and interpenetration of different sciences. One of the productive ways of extracting language data from a text is distributional analysis, in other words, the analysis of distribution of language units within the text. Statistics shows the more frequent connection of some types of language units and the less frequent connection of the others in text. The quantity data "as it is" is of little interest, but the meaning analysis and interpretation allows to draw interesting conclusions from the linguistic statistics, for example, they can serve as an empiric base for interpreting of corresponding characteristics of the literary characters.